

Дискуссии

И. БИХАРИ

**Некоторые
замечания к статье
Л. С. Муравьевой¹
«Обсуждение доклада
Э. Целлера»**

1. Л. С. Муравьева старается опровергнуть новое определение вида в таких примерах, где, по нашему мнению, только с помощью новой теории можно достичь результата.

Напомним примеры Л. С. Муравьевой: *Я переписывал работу два часа; Я переписал работу за два часа.*

Оба предложения подчеркивают одинаковую длительность одного и того же действия (*два часа—за два часа*); но если в первом предложении говорится о том, что процесс действия продолжался два часа (содержат ли эти два часа начало и конец действия, неизвестно), второе предложение означает, что весь процесс переписывания в целом от начала до конца произошел за те же два часа. Понятие «длительность» ни о чем не говорит, ведь действие в обоих случаях продолжалось два часа.

Ссылаться в связи со вторым предложением на то, что основная функция совершенного вида—это «устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из момен-

¹ См. Материалы VI Международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. М., 1966, стр. 85—92.

О ПРЕПОДАВАНИИ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Л. С. МУРАВЬЕВА

Как видно из статьи И. Бихари, изучение видов русского глагола не оставляет равнодушными тех, кто преподает русский язык. И этот интерес к методике вопроса вполне понятен: виды русского глагола были и остаются, пожалуй, самым сложным явлением при изучении русского языка нерусскими.

Естественно, что разработка методики преподавания видов находится постоянно в центре внимания советских и зарубежных преподавателей русского языка.

В июне 1963 г. на VI Международном методическом семинаре преподавателей русского языка стран социализма с докладом по этому вопросу выступил Э. Целлер (ГДР). Он предложил слушателям «новую концепцию преподавания видов русского глагола». Лингвистической базой этой концепции являются теории вида Ю. С. Маслова, А. В. Исаченко, Р. Ружички. Совершенный вид определяется как «маркированный член видовой корреляции с общим грамматическим значением неделимой целостности действия» [1]¹. Представление о действии, выраженном глаголом совершенного вида, связывается у А. В. Исаченко с определенной позицией говорящего лица—с его позицией вне называемого действия. Говорящий,

¹ Сравните у А. В. Исаченко: «Совершенный вид представляет процесс как целостное, сомкнутое событие» [2].

«выражая процесс формами совершенного вида (например, *я переписал*)... стоит вне процесса, выраженного глагольной формой: следовательно, он обозревает процесс как единое целое» [2]. «Выражая процесс при помощи форм несовершенного вида (например, *я переписывал, я переписываю*), говорящий находится как бы в потоке самого процесса. Он не видит ни его начала, ни его конца и, следовательно, не может выразить этот процесс как сомкнутое, цельное событие» [2] (стр. 132—133).

Следуя этому положению, представители новой концепции преподавания видов русского глагола предлагают пользоваться при объяснении различия между несовершенным и совершенным видом «направлением обозревания одного и того же действия»: «Говорящий имеет в виду или цельное действие, или протекание действия; следовательно, он сосредоточивает свое внимание или на целом действии, или на протекании действия. Протекание действия рассматривается в любое время (в настоящем, прошедшем и будущем времени), целостность же его рассматривается только либо до момента речи, либо после момента речи (в прошедшем и в простом будущем времени)» [3]. То же читаем в статье Э. Целлера: «Совершенный вид употребляется, если все действие находится в поле зрения говорящего...

Говорящий находится вне процесса (обозревает его целиком): начало, протекание, конец процесса. Глаголы совершенного вида имеют признак неделимой целостности процесса» [4].

Прежде чем обратиться к положениям, выдвинутым представителями новой концепции преподавания видов русского глагола, мы хотим подчеркнуть следующие два момента.

1. Определение удачно и полезно, когда оно раскрывает перед учащимися сущность изучаемого явления и помогает его усвоению. И если новое определение видов отвечает этому условию, то мы можем только пожелать успеха коллегам, разрабатывающим новую методику.

2. «Никакое определение не может охватить всего многообразия видов русского глагола» [5]. Мы полностью присоединяемся к этому замечанию М. Букэ (Румыния), тем более что нам, практикам, приходится иметь дело не с общим представлением о виде, не с основным его понятием, а с бытованием вида в речи, с его живым многообразием, зависящим от контекста и целей коммуникации. Поэтому мы, как и коллеги из Румынии, в своей практике не основываемся на каком-то одном определении и не проводим резкого разграничения между видами глагола и способами глагольного действия (или совершаемостями, по терминологии проф. А. В. Исаченко), а рассматриваем их вместе, в тесной связи друг с другом и, говоря о виде, прежде всего анализируем его с точки зрения неограничен-

ной длительности или законченности, повторяемости или однократности, последовательного совершения действий или параллельного, одновременного их протекания, а также с точки зрения результативности, начала действия, ограниченной длительности и, наконец, констатации факта.

Ближе всего к такому рассмотрению видов стоит, по нашему мнению, теория акад. В. В. Виноградова. Мы можем опереться также и на определение проф. П. С. Кузнецова, трактующего вид как «грамматическую категорию, выражающую характер самого действия с точки зрения протекания его во времени» [6]. И мы ставим своей задачей при выработке методики научить нерусских учащихся квалифицировать действие со стороны характера его протекания во времени.

Обратимся теперь к положениям новой концепции преподавания видов русского глагола.

И. Бихари пишет в своей статье: «Мы не сомневаемся в том, что „важно не только общее определение вида, но и выделение различных значений, связанных с этим понятием, таких, как длительность и законченность, повторяемость и однократность, начало действия, результативность, ограниченная длительность“ и т. д.». Однако И. Бихари возражает против включения этих значений в понятие вида: «Перечисленные выше значения как способы действия связаны с видом, но не с понятием вида».

С методической же точки зрения, на наш взгляд, правильнее включать в понятие вида все перечисленные

тов процесса как его пределе» (по теории акад. В. В. Виноградова), на наш взгляд, неуместно, так как, во-первых, в этом предложении «длительность» определена даже временным средством (*за два часа*); во-вторых, сосредоточение внимания на начале или конце действия опровергается и тем, что действие продолжается 120 минут, потому что *за два часа* означает не то, что переписывание было готово спустя два часа, а именно то, что *я совершил работу за два часа* (т. е. процесс переписывания занял два часа!).

Здесь интересно сослаться на замечание А. М. Пешковского: «... *сделал работу за год, за два часа*... с оттенком длительности процесса, противоречащим этому значению» [1]. Таким образом, и Пешковский признает, что здесь совершенный вид имеет оттенок длительности; конечно, как сторонник старой теории, он добавляет, что это противоречит его основному значению.

Л. С. Муравьева утверждает, что в отношении упомянутых выше примеров «новое определение таит в себе опасность смешения видового и временного планов», ибо в одном из предложений говорящий находится вне процесса действия с точки зрения времени, а в другом — с точки зрения вида.

Действительно, объяснять виды тем, что в случае совершенного вида говорящий находится «как бы» вне действия, а в случае несовершенного вида «как бы» в потоке самого процесса, несколько трудно, особенно детям; в частности, когда сказуемое стоит в первом лице единственного числа; но слово *как бы* указывает на то, что говорящий находится в потоке процесса или вне его не в действительности, а только как бы, и задача преподавателя состоит именно в том, чтобы объяснить это доступным детям способом.

Но правильность теории, естественно, не зависит от того, легко или трудно объяснять ее детям.

Именно с помощью новой теории легче отделить понятие времени от понятия вида.

Говорящий имеет в виду или цельное действие, или протекание действия; следовательно, он сосредоточивает свое внимание или на целом действии, или на протекании действия. Протекание действия рассматривается в любое время (в настоящем, в прошедшем и будущем времени), целостность же его рассматривается только либо до момента речи, либо после момента речи (в прошедшем и в простом будущем времени).

2. По мнению Л. С. Муравьевой, учащимся труднее воспринимать понятие «неделимой целостности процесса», чем понятие ограничения процесса каким-либо пределом.

Во-первых, необходимо проверить это положение на практике.

Во-вторых, целостность предельного действия с начала момента до конца момента речи легко объясняется на нескольких примерах. На наш взгляд, такие понятия, как «целостность действия», «начало момента действия», «конец момента действия», легче воспринимаются учащимися, чем понятия «ограничения», «какого-либо предела», особенно учащимися тех национальностей, в грамматике которых этих понятий не существует.

3. По мнению Л. С. Муравьевой, новое определение вида не охватывает большой группы глаголов совершенного вида, связанных со значением начала действия (например, *запел, заплакал, заволновался, пошел* и т. д.).

По нашему мнению, значение начальных глаголов — это само начинание; совершенный вид обозначает целостность «начинания» действия (*заплакал* означает «начал, стал плакать»), но ни в коем случае не сосредоточение процесса на начальном моменте действия.

Л. С. Муравьева замечает, что иностранные учащиеся часто ошибочно употребляют глаголы несовершенного вида там, где следует употреблять глагол с началь-

ные значения, квалифицируемые новой теорией как «способы глагольного действия». В защиту этого положения говорит следующее.

1. Понимать явление — значит охватить его в возможно большей полноте, т. е. в конкретности (в чем и заключается преимущество теории вида акад. В. В. Виноградова, если рассматривать ее как основу для выработки методической системы преподавания видов глагола), определения же вида проф. Ю. С. Маслова и проф. А. В. Исаченко слишком абстрактны.

2. Опираясь на понятие целостности действия, выражаемого совершенным видом, представители нового направления обращаются к различного рода «способам глагольного действия», или «совершенностям» (по терминологии проф. А. В. Исаченко): *начинающей совершенности, ограничительной совершенности, результативной совершенности, однократной совершенности* и т. д. так же, как представители традиционной теории видов обращаются к подвидовым значениям начала действия, ограничения действия, результата действия, его однократности и т. п. Это говорит о том, что значения эти, объективно существующие в языке, требуют своего выражения и, исключенные из понятия вида, они приходят снова, но только в одеждах так называемых «способов глагольного действия».

Мы не ставили и не ставим своей целью опровергнуть новое определение вида и воспринимаем концепции Ю. С. Маслова и

А. В. Исаченко как один из этапов развития научного представления о виде. Однако вызывает опасение, не окажется ли трактовка позиции говорящего нежелательного воздействия на изучающих русский язык. Нас не убеждает замечание И. Бихари о том, что «отличить понятие времени от понятия вида становится легко именно на основе новой теории». Практика показывает, как трудно нерусским разграничивать временную и видовую законченность, завершенность, а установленные позиции говорящего лица (в случае выражения совершенного действия) как обобщающего весь процесс извне толкает учащихся именно к неразграничению видового и временного понятий, ибо прошедшие действия (как совершенные, так и несовершенные), естественно, находятся вне позиции говорящего лица. И. Бихари сам признает: «Действительно, объяснять виды тем, что в случае совершенного вида говорящий находится „как бы“ вне действия а в случае несовершенного вида „как бы“ в потоке самого процесса несколько трудно, особенно детям; в частности, когда сказуемое стоит в первом лице единственного числа; но слово *как бы* указывает на то, что говорящий находится в потоке процесса или вне его не в действительности, а только как бы, и задача преподавателя состоит именно в том, чтобы объяснить это доступным детям способом. Но правильность теории, естественно, не зависит от того, легко или трудно объяснять ее детям».

Методически вернее, с нашей точки зрения, было бы не создавать искусственной позиции говорящего лица, а

направить внимание учащегося на другую сторону явления — что хочет выразить и подчеркнуть говорящий: то, что действие протекало без ограничения, т. е. было немаркированным, или то, что оно имеет дополнительную характеристику в виде значений законченности, начала, ограниченной длительности, иначе говоря, было как-то ограничено в своем протекании.

Мы не отрицаем понятия «целостность действия» по отношению к совершенному виду, но считаем его частным моментом. Действие легче всего воспринимается как цельное, готовое, в случае его завершенности или суммарности (например: *Я прочитал книгу* или *Я три раза прочитал эту книгу*). Итак, предлагаемое новое объяснение в определенной степени как вспомогательное может быть использовано в работе над видом с нерусскими учащимися. Однако это только часть сложной системы функционирования видов, а потому говорить о целостности действия как об абсолютном мерило, которое может быть приложено ко всем случаям системы, нельзя. Понятие же ограниченности действия, маркированности его или его неограниченности, немаркированности охватывает всю систему (этим понятием охватываются даже такие сложные явления, выражаемые с помощью вида, как значение констатации факта и перфективность). Констатация факта связана с несовершенным видом глагола именно потому, что такое действие никак не маркировано с точки зрения его начала, конца, завершенности, результата, а также однократности или многократности его совер-

шения. И, следовательно, оно ничем не ограничено. Результат же действия всегда связан с его законченностью, а потому и выражается совершенным видом).

Далее. Понятие предела, границы действия вовсе не противоречит определенной длительности действия, названного глаголом. Говоря о формулировке акад. В. В. Виноградова, И. Бихари упустил один ее очень важный момент: В. В. Виноградов, определяя совершенный вид, не отрицает длительности действия вообще, а говорит об ограничении длительности или устранении представления о длительности действия (так, например, в глаголах *дочитать*, *посидеть* наблюдается ограничение длительности действия, в то время как в глаголах *толкнуть* и *прийти* длительность, в данном случае повторяемость, устраняется). Приведем полностью формулировку акад. В. В. Виноградова: «Основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов представления как его пределе. Обозначение действия в его течении, не стесненном мыслью о пределе процесса в целом, — основное, общее значение несовершенного вида» [7]. И. Бихари выпрямляет эту формулировку, делает ее плоской, в то время как она более гибка, конкретна, объемна.

Речь, как мы видим, идет об ограниченной длительности, выражаемой совершенным видом, по сравнению с неограниченной никаким пределом длитель-

ным значением: *Он упал в воду и кричал*. Но, на наш взгляд, такие ошибки допущены не потому, что учащиеся не поняли значения начинательных глаголов совершенного вида, а из-за того, что глагол *закричать* объяснялся им как начинание + протекание процесса.

4. Относительно употребления совершенного и несовершенного видов.

Заканчивание действия может быть таким же предельным действием, как любое другое действие: как и начинание, так и заканчивание может представлять собой длительный процесс, и поэтому его можно обозревать и в протекании, и в целостности.

Видимо, Л. С. Муравьева считает свои примеры [2] (стр. 88) аргументами против новой теории потому, что в этих примерах говорящий находится в процессе еще не совершившегося действия, и все же он высказывается о времени конца действия (*до второй главы* имеет тоже какое-то значение времени).

Но глагол *одежусь*, например (если это говорится в момент речи, когда я уже одеваюсь), очевидно, означает 'не надену еще пиджак' или 'застегну то, что надо застегивать', а именно то, что утверждает новая теория о совершенном виде: *Я скоро буду готов*.

В предложении *Я скоро закончу проверку* совершенный вид подобным же образом относится к целостности действия, выраженного глаголом, а не к целостности проверки, так как *заканчиваю проверку* не означает 'провожу проверку с начала до конца'.

В данной ситуации упомянутое выше предложение может иметь и следующее значение: 'проверку, начатую другими и совершавшуюся в течение долгого времени, я уже скоро закончу'.

То обстоятельство, что говорящий обозревает действие другого лица в протекании или в целостности или он обозревает свое

действие, никак не приводит к отождествлению (протекания предельного действия и самого предела. Мы отрицаем возможность самонаблюдения, если утверждаем, что в течение совершения действия мы не можем охватывать всю целостность действия—от его начинания до последующего его заканчивания (в данном случае сосредоточение внимания на оном пункте [моменте] действия было бы тем более невозможно!). В предложении *Дочитаю до второй главы* говорить о возможности совершения действия, проведенного до момента речи, не имеет смысла, так как предлог *до* имеет значение направления. Я могу определить начальный или конечный пункт этого направления: *дочитать* означает, очевидно, протекание или целостность последнего отрезка чтения, проведенного до конца.

5. Что касается определения несовершенного вида акад. В. В. Виноградова [3], оно в общем совпадает с новой теорией; хотя определение новой теории в некоторой степени точнее и шире охватывает материал.

Определение совершенного вида В. В. Виноградова носит слишком общий характер, не является достаточно конкретным; его определению «действие представляется как ограниченное, сосредоточенное в каком-либо пределе совершения» противоречат следующие случаи:

а) когда при совершенном виде стоят деепричастия несовершенного вида с суффиксом *-а- (-я-)*: *добавила, подражая; подошла, толкая друг друга плечами; подумала, глядя . . . ; спросила, растягивая каждый слог;*

б) глаголы типа *посидеть* (в каком пределе совершения здесь сосредоточено действие?);

в) *про+* длительность: *Он простоял три часа;*

г) совершенный вид *+за+* определенное количество времени: *Я сделал задание за два часа.*

ностью, выражаемой несовершенным видом. Внимание говорящего сосредоточено на одном из моментов действия (кончил или начал субъект данное действие), но обозначается все действие целиком, с его продолженностью и границей (пределом), отсюда и возможность употребления совершенного вида с обстоятельственными словами, указывающими на определенную длительность действия: *сделать работу за день; изучить язык постепенно; проговорить с друзьями весь вечер; подошли, толкая друг друга локтями; сказала, растягивая каждый слог* (последние два примера взяты из статьи И. Бихари).

Опираясь на определение акад. В. В. Виноградова, мы не сводим всё действие к одному только его моменту (к его началу или концу), но берем его целиком, во всей ограниченной протяженности. Об этом говорят и приведенные нами в докладе на VI Международном методическом семинаре преподавателей русского языка графические изображения этих действий:

/—(запел); —/(прочитал); /—/ (почитал); /——/ (проговорил всю ночь). Как видно из этих обозначений, мы отнюдь не оперируем одними только границами.

Перейдем к следующему замечанию. И. Бихари видит основу ошибок типа *Он упал в воду и кричал* (вместо *закричал*) в том, что учащимся «глагол *закричать* объяснялся как начинание + протекание процесса, а не как целостное действие». Можно возразить следующее: во-первых, сосредоточить внимание учащихся на начале действия

можно лишь в таких глаголах, как *закричать* (близком к глаголу *вскрикнуть, крикнуть*), в которых продолженность, следующая за началом действия, очень коротка; во-вторых, главное, на что приходится обращать внимание, говоря о значении начала действия,— это умение аналитическим или синтетическим способом указать начало, возникновение процесса (*Мотор заработал — Мотор начал работать; Он взял минерал и стал его рассматривать*). Сравните ошибку: *Он взял минерал и рассматривал его; Он взял журнал и его читал*. Говорить же о том, что приставка *за-* и глаголы *начать, стать* соединяются с глаголами несовершенного вида и объяснять почему, абсолютно необходимо, чтобы исключить ошибки подобного рода: *стал прочитать, начал сказать, закрикнул*.

Далее. Мы не отрицаем возможности самонаблюдения; можно, безусловно, абстрагироваться от конкретного протекания действия и представить его уже целостным, завершенным от начала до конца и перенесенным целиком в плоскость будущего (*Я сейчас оденусь; Сейчас я дочитаю статью и пойдем*). Однако мы хотим отметить слишком большую категоричность положения новой концепции преподавания видов о неактуальности простого будущего времени (или настоящего совершенного, по терминологии, принятой новой теорией)², его неприменимость в тех случаях, когда гово-

² Кстати, И. Бихари несколько отходит от новой концепции: в его статье формы *приду, прочитаю* квалифицируются как формы простого будущего, а не настоящего совершенного.

рящее лицо в момент речи находится в процессе действия, стремящегося к пределу (*Я сейчас оденусь, дочитаю до второй главы и погашу свет*)³. О возможности совпадения действия, обозначенного совершенным видом глагола, с моментом речи говорит и проф. А. В. Исаченко: «Напомним, что в форме презенса (в отличие от форм аналитического будущего) разобъясненность процесса с моментом речи не выражена; поэтому данную форму можно употребить и в том случае, если процесс, завершение которого сигнализируется формой перфективного презенса, фактически уже протекает в момент речи: форма *я оденусь* не исключает, что в момент речи *я уже одеваюсь*» [2] (стр. 449—450).

И последнее. Преподавание русского языка иностранцам убеждает нас в том, что для уяснения вида вопрос о чисто видовых парах не только не имеет такого важного значения, как для лингвистики, но и затрудняет работу, если мы останавливаемся на выделении чисто видовых пар. Мы пользуемся приблизительными парными соотношениями, указывая в случае каждого нового глагола совершенного вида, какое дополнительное видовое значение (начала, конца, ограниченности, результативности) он имеет по сравнению с глаголом несовершенного вида. Можно обратиться к практике и румынских коллег. Сравните замечание М. Букэ: «По кон-

³ Сравните: «настоящее совершенного вида выражает неактуальность действия, т. е. действие не совпадает с моментом речи (маркированный член)».

цепции Исаченко получается, что большинство глаголов в русском языке не имеет видовых пар...

С нашей точки зрения, более целесообразно не разграничивать виды глаголов и способы действия (или подвиды), а рассматривать все это вместе» [5]. Вопрос о видовой корреляции (выделение видовых пар) и с теоретической точки зрения является очень сложным, запутанным и далеко еще не решенным и «неправильно было бы спорное в науке вносить в практику преподавания языка» [5].

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы представители нового направления возможно более полно изложили свою систему преподавания видов русского глагола с тем, чтобы можно было сравнить ее с уже имеющимися системами и сделать определенные выводы.

Литература

1. Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958, стр. 9.—2. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. ч. 2. Братислава, 1960, стр. 136.—3. Би х а р и И. Некоторые замечания к статье «Обсуждение доклада Э. Целлера» Л. С. Муравьевой. Русский язык за рубежом, 1968, № 2, стр. 90.—4. Целлер Э. Новая концепция преподавания видов русского глагола. Материалы VI Международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. М., 1966, стр. 83.—5. Букэ М. Обсуждение доклада Э. Целлера. Там же, стр. 93.—6. Кузнецов П. С. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка. Труды Института языкознания, т. 2, 1953, стр. 222.—7. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, стр. 497.

6. О проблеме аористического и перфектного значений.

Отношение древнего аориста и перфекта к несовершенному и совершенному виду представляет собой особую проблему; она не касается двух теорий вида. По нашему мнению, спорным вопросом является и то, что результат действия наступает благодаря конечному моменту действия или благодаря целостности действия.

Мы не сомневаемся в том, что «важно не только общее определение вида, но и выделение различных значений, связанных с этим понятием, таких, как длительность и законченность, повторяемость и однократность, начало действия, результативность, ограниченная длительность» и т. д. Перечисленные выше значения как способы действия связаны с видом, но не с понятием вида. Упомянутые выше «видовые» значения являются способами действия, а глагольный вид — это направление обозревания одного и того же действия.

7. Не имея понятия о видовой паре, на наш взгляд, нельзя говорить о виде. Обучение видам может базироваться только на основе «чисто видовых пар».

Не надо бояться того, что нерусский учащийся сам попробует образовать (хотя бы и ошибочно) новые формы. Его задача — усвоить употребление заученных им форм.

В заключение отмечаем, что предложенная Л. С. Муравьевой работа по обобщению результатов обучения видам по новой теории проводится на нашей кафедре уже около четырех лет. Надеемся, что скоро сможем представить отчет и о том, что дала методике преподавания русского глагольного вида новая теория.

Литература

1. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 309.—2. Материалы VI Международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. М., 1966, стр. 86—92.—3. Грамматика русского языка. М., 1953, стр. 426.